

Л. И. Черемисинова

ИЗ ИСТОРИИ НЕРЕАЛИЗОВАННОГО ЗАМЫСЛА КНИГИ ФЕТА «ЗАПИСКИ СУДЬИ»: ФЕТ И ТУРГЕНЕВ

В ноябре 1867 года Фет вступил в должность мирового судьи 3-го участка Мценского уезда. Его избрание происходило на Мценском земском собрании в июне—июле того же года.¹ Впоследствии, подробно изложив события тех дней в книге «Мои воспоминания», Фет назвал свое избрание «эпохой, отделяющей предыдущий период жизни и в нравственном, и в материальном отношении от последующего».²

Институт мировых судей только начинал формироваться в России: первые суды открылись в Москве и Петербурге в мае 1866 года, чуть позже они стали появляться в провинции. «Мировой суд, согласно Судебным уставам 20 ноября 1864 г., был самой низшей судебной инстанцией. Здесь разбирались мелкие гражданские дела и уголовные преступления. Но именно мировой суд называли „самой первой и самой важной ступенью школы гражданского воспитания“, поскольку он вносил право в повседневную жизнь русского общества и потому находился в самом близком соприкосновении с самыми разными слоями населения».³

Должность мирового судьи, помимо почета и значимости, которую она имела в условиях реформировавшейся России, давала материальную независимость. Участковый мировой судья получал жалованье от 1500 до 2200 рублей в год. Кроме того, ему полагались определенные средства на содержание, разъезды, письмоводителя, рассыльного, канцелярские расходы и пр. нужды. В том случае если участковый отказы-

¹ Блок Г. П. Летопись жизни А. А. Фета / Публ. Б. Я. Бухштаба // А. А. Фет. Традиции и проблемы изучения. Курск, 1985. С. 167. Далее ссылки на это издание даются сокращенно: *Летопись*, с указанием страницы.

² Фет. *МВ*. Ч. 2. С. 122. Далее в тексте: *МВ*.

³ Комарова И. В. Мировой суд в провинции: взгляд Афанасия Фета // А. А. Фет и русская литература. Материалы Всероссийской научной конференции «XV Фетовские чтения» / Под ред. В. А. Кошелева, Г. Д. Аслановой. Курск, 2000. С. 132.

вался от следовавшего ему по должности содержания, он получал название почетного мирового судьи.

Согласно судебному установлению «О мировых судьях и их съездах», участковый судья избирался на уездных земских собраниях сроком на три года. В его полномочия входило определение «постоянного места пребывания в своем участке, для разбирательства подведомых ему дел; но просьбы он должен принимать везде и во всякое время, а в необходимых случаях и разбирать дела на местах, где оные возникли. Должность участкового мирового судьи, как требующая постоянных занятий и безотлучного пребывания в участке, не может быть соединяема с другой должностью по государственной или общественной службе, за исключением только почетных должностей в местных богоугодных и учебных заведениях».⁴

Кандидатом на должность участкового мирового судьи мог стать далеко не каждый, так как к нему предъявлялись особые требования: во-первых, существовал возрастной ценз — «не менее 25 лет от роду»; во-вторых, образовательный: претенденты должны были получить образование в высших учебных заведениях или выдержать «соответствующее сему испытание», либо выдержать «не менее трех лет в таких должностях, при исправлении которых могли приобрести практические сведения в производстве судебных дел»; в-третьих, имущественный — «если при том они сами, или их родители, или жены, владеют, хотя бы и в разных местах: или пространством земли вдвое против того, которое определено для непосредственного участия в избрании гласных в уездные земские собрания <...>, или другим недвижимым имуществом ценою не ниже 15 000 руб. сер., а в городах недвижимую собственностью, оцененною, для взимания налога: в столицах не менее 6000, в прочих же городах не менее 3000 руб.».⁵

Фет, удовлетворявший всем трем требованиям, имел полное право баллотироваться на должность участкового судьи. Мысль о карьере юриста была подсказана ему Мценским уездным предводителем дворянства В. А. Шеншинным, который, по словам Фета, «и лично, и через Александра Никитича, и даже через Борисова, советовал <...> попытать счастья в выборе на должность мирового судьи в южном участке уезда <...>» (МВ. Ч. 2. С. 122). Победив довольно сильного конкурента Ал. Н. М—ова (бывшего мирового посредника, за плечами которого был большой опыт судейской практики), Фет был избран подавляющим большинством голосов и, как сказано в воспоминаниях, «вскорости после выборов <...> уехал в Москву заказать мундир и купить необходимые для судебной практики книги и бланки» (Там же. С. 124).

Тургенев приветствовал новый вид деятельности поэта. «Я очень рад избранию Фета, — писал он Борису 30 июля (11 августа) 1867 го-

⁴ Судебные уставы 20 ноября 1864 года // Современная летопись. 1864. № 42. Декабрь. Статьи 23, 24, 41, 42.

⁵ Там же. Статья 19.

да, — и уверен, что из него выйдет отличный судья».⁶ В. П. Боткин в письме от 23 сентября того же года поздравлял Фета «с лестною должностью мирового судьи»: «И я не ожидал этого так же, как и ты, ибо шансы М—ва были гораздо сильнее твоих. Но, должно быть, здравомыслие у избирателей превозмогло. Что ты будешь хорошим мировым судьей, — в этом я совершенно уверен» (*МВ*. Ч. 2. С. 166). Боткин предложил Фету использовать его пристройку к степановскому дому как комнату для секретаря.

Фет собирался приступить к новым обязанностям с января следующего года, о чем писал Полонскому 22 сентября 1867: «С января я, вероятно, вступаю в должность мирового судьи — это своя литература».⁷ Однако решение о назначении пришло несколько раньше планируемого срока. В. А. Шеншин в официальном письме от 9 ноября 1867 года уведомил Фета: «Милостивый государь Афанасий Афанасьевич! Имею честь известить Вас, что указом Правительствующего Сената от 1-го текущего ноября, Вы утверждены участковым мировым судьей по Мценскому уезду. Примите уверение, милостивый государь, в совершенном моем к Вам уважении и преданности».⁸

Так начался новый этап в жизни Фета, открывший ему неведомые ранее грани русской действительности, значительно обогативший его жизненный опыт, расширивший знания о народе. Судейская деятельность, по собственному признанию поэта, имела для него «воспитательное <...> значение» (*МВ*. Ч. 2. С. 125). Десять с половиной лет судебной практики «спускался» он с «идеальных высот <...> упований до самого низменного и безотрадного уровня действительности. Как ни тяжело было иное разочарование человека, до той поры совершенно незнакомого с народными массами и их мировоззрением, — писал Фет в воспоминаниях, — я все-таки с благодарностью озираюсь на время моего постепенного отрезвления, так как правда в жизни дороже всякой высокопарной лжи» (Там же. С. 124).

Цель предстоявшей ему судебной деятельности Фет впоследствии выразил следующим образом: «...дать народу вместо канцелярских влоки — суд скорый, милостивый к пострадавшему, а потому самому и правый» (*МВ*. Ч. 2. С. 125). Идеальные устремления новоизбранного судьи находились в противоречии с реальностью жизни. Первые трудности ждали Фета уже на этапе избрания на должность, которое сопровождалось некоторой интригой. Борисов, «стараясь охладить <...> либеральный пыл» своего друга и предостеречь от разочарования в случае провала, уверял его в том, что никаких выборов в действительности не будет, что «все заранее прилажено и приказано крестьянам мировыми посредниками, и таким образом, при такой решающей массе шаров, свободная борьба невозможна» (Там же. С. 123).

⁶ ПССиП(2). Письма. Т. 8. С. 25.

⁷ Фет А. А. Соч.: В 2 т. / Подг. текста, сост. и коммент. А. Е. Тархова. М., 1982. Т. 2. С. 332—333.

⁸ ОР РГБ. Ф. 315. Оп. 2. Картон 12. Ед. хр. 53. Л. 1.

Возмущенный несправедливостью, Фет в ответ «написал самую жесткую филиппику против недобросовестного давления на общественное мнение», и решил прочесть свою статью на земском собрании перед самыми выборами. Ему предоставили слово, однако речь оратора не имела видимого успеха у избирателей, вследствие чего он принужден был ее значительно сократить.

Написанная статья (вероятно, именно ее Фет пытался озвучить на собрании) появилась в январском номере журнала «Литературная библиотека» за 1868 год под названием «Заметка о выборе мировых судей».⁹ О том, что предвыборная речь на земском собрании и статья в «Литературной библиотеке» — один и тот же текст, свидетельствует ответ В. П. Боткина на не дошедшее до нас послание Фета: «Из письма твоего я не мог понять, в чем состояла сущность твоей речи, сказанной на предварительном собрании, и весьма был бы рад прочесть ее в печати» (МВ. Ч. 2. С. 166).

«Избрание мировых судей у нас настолько же дело важное, как и новое, — провозглашал Фет в этой статье. — <...> Всем нам надо помнить, что посредники ставились правительством, а судей мы избираем сами, и что, вступая в избирательное собрание, мы должны иметь в виду только общее дело и его пользу, оставляя за порогом даже *отцов и матерей*, как бы нежно мы ни были привязаны к последним. <...> в данный момент мы обязаны иметь в виду только цель законодателя, т. е. наилучший, беспристрастнейший выбор судей, а едва ли при подобной обстановке эта цель будет вполне достигнута».¹⁰

Забывая о честности выборов, Фет предлагал свою методику подсчета голосов, дабы добиться чаемой всеми участниками земского собрания цели — «совокупными силами всех сословий наилучшим образом совершить великое дело избрания судей».¹¹ Автор статьи всецело уповал на идеальное решение вопроса, выражая уверенность в том, что избрание достойных претендентов выгодно всем сословиям без исключения. «Мы никогда не слыхали, чтобы хозяину-крестьянину нравилось, что в его околотке завелись конокрады, что по загуменью шныряют бродяги-поджигатели или что работник, вымолив да выкляняв у него на нуждишку вперед денег, — оставил его в самую горячую пору. Поэтому мы никогда не поверим, чтобы кому-либо из земских представителей было все равно: изберут ли они в судьи людей, способных постоять за правду во что бы то ни стало, или людей, ищущих только мест во что бы то ни стало».¹²

Таким образом, избрание в мировые судьи, как прежде начало фермерской деятельности, сопровождалось для Фета творческим взлетом, «не поэтическим», но озаренным светом идеала. Недаром он употре-

⁹ Фет А. Заметка о выборе мировых судей // Литературная библиотека. 1868. № 1 (Январь). С. 167—174.

¹⁰ Там же. С. 167, 170, 171.

¹¹ Там же. С. 173.

¹² Там же. С. 168.

бил приведенное уже выражение «это своя литература» к судейству. Судейская практика была тоже творчеством, требовавшим самоотдачи, полного погружения в дела, осмысления их хода и результатов.

Рефлектирующая натура Фета проявилась сразу же, уже в написании статьи «Заметка о выборе мировых судей» (1867). Ему была свойственна непрекращающаяся работа над собой и одновременно потребность участвовать в решении насущных проблем жизни не только делом, но еще и *словом*. Будучи фермером, кирасиром или мировым судьей, Фет всегда оставался писателем, ощущавшим острую необходимость словесного самовыражения и общения с публикой.

Юридическая практика поглотила Фета, как когда-то его поглощала преобразовательская деятельность в Степановке.¹³ Об этом, в частности, свидетельствуют письма И. П. Борисова к М. П. Фет. Так, вскоре после избрания Фета на должность Борисов писал его жене: «Вы, пожалуйста, секунды не помышляйте, что Афоня может теперь скучать — некогда ему — в свободное от суда время изучает законы и вслух рассудительствует. Вообще на первое время, пока оглядится и свыкнется, то работа ему есть, а Вы уже его знаете, что ему *главная смерть*, когда нечего делать. По вечерам будет литературить. У него есть и по этой части работа».¹⁴

3 января 1868 года Борисов извещал Марию Петровну: «Дела судейские у него идут так, что, верно, ни один столичный судья не управляется со своими так успешно и безупречно, как он — до 2-го янв<аря> с 15 дек<абря> у него было уже 228 №!!! Словом: чудо!».¹⁵ На следующий день Борисов опять вернулся к описанию успехов Фета: «С судейскими делами справляется отлично и, разумеется, с каждым днем дело это будет для него легче. При мне проверял было кассу и что-то ру<б>лей 30 оказались были неведомо откуда в находке, и уже я советовал ему отправить к Вам в подкрепление, но увы: нашел, что это были мнимые найденыши».¹⁶

В письме от 9 (21) сентября 1868 года Борисов сообщал: «Сегодня Афоня ночевал у Богатырева, пишет, что до 12 час<ов> продолжалось вчера собрание, а сегодня в 10 утром опять собираются, и он нынче же намерен в Москву. У меня был Н. В. Калачев, третьего дня он с Афоней ездил на съезд и там поддерживал Вашего мужа по судейским вопросам, находя во всем требования Афони справедливейшими».¹⁷

Все эти факты достаточно красноречиво говорят о судейских качествах Фета: ответственности, честности, самоотдаче, пунктуальности, неумоимости и пр. По словам Тургенева, фетовская судейская дея-

¹³ «Не зарабатывайтесь своим судейством, — писал Л. Н. Толстой Фету 20 февраля 1872 г. — Вы мне это проповедываете, а вам едва ли не нужнее, я уже лет 9 не помню вас хоть на денек спокойным и свободным» (МВ. Ч. 2. С. 247).

¹⁴ РО ИРЛИ. 20308. Л. 8 об. Письмо от 22 декабря 1867 г.

¹⁵ Там же. Л. 11—11 об.

¹⁶ Там же. Л. 14.

¹⁷ Там же. Л. 17.

тельность была пронизана «ясным и честным здравым смыслом и положительной законностью».¹⁸ Служебный график Фета был напряженным, требующим максимальной концентрации душевных и физических сил, а ощущения от исполнения обязанностей, надо полагать, были далеко не однозначными. «Я судья, — писал Фет И. П. Новосильцеву. — Это видно из того, что сегодня в 10 утра сел, а в 7 1/2 вечера встал. Это весело — до пляски с <вято>го Вита».¹⁹

«Несколько лет он был мировым судьей в Мценском уезде и, насколько мне известно, справедливым судьей, — вспоминал о Фете недолголюбивавший его С. Л. Толстой, — но он судил не столько по закону, сколько по здравому смыслу. Когда ему во время судебного заседания не удавалось примирить тяжущихся или когда он сердился на них, он прерывал заседание, снимал с себя цепь, призывал тяжущихся к заднему крыльцу, усовещевал и ругал их; даже, как говорили злые языки, случалось, „давал им в морду“, чему я, однако, не верю».²⁰

С энтузиазмом приступив к выполнению полномочий мирового судьи, Фет отмечал восприимчивость народа к новым формам организации юридических отношений. В предпоследнем очерке своих писем «Из деревни» (1868) он писал: «Если можно чему-либо удивляться в характере нашего народа, то это не воображаемой косности, а действительной, несомненной способности сживаться с новыми, небывалыми формами и условиями жизни. <...> Возьмем мировые учреждения, считающие свое существование в нашей стороне даже не месяцами, а только днями.²¹ Что же мы видим? В стороне от всякого правильного почтового сообщения конверты и повестки летают по всем направлениям, без нового обременения для обывателей. Вызываемые, большею частью безграмотные, являются, говоря вообще, весьма исправно. Прощения и жалобы поступают в новые учреждения со всех сторон, и явно не поступили бы никуда, не пояись эти учреждения. Этого мало:

¹⁸ Цит. по: *Фет А. А. Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 409.* О результатах своей судейской деятельности Фет писал в статье «Отголосок сельского судьи»: «... из обычного годового количества, от 300 до 320 дел, поступило жалоб в съезд (имеется в виду собрание мировых судей — апелляционная инстанция. — Л. Ч.) в 1869 году 15, а в 1870 — 71 годах по 13, а в 1872 — 4 и в 1873 — 3, а сколько дел было кончено просто на словах?» (*Фет А. Отголосок сельского судьи // РВ. 1874. Т. 113. № 9. С. 389.*)

¹⁹ *ОР РГБ. Ф. 315. Оп. 2. Картон 4. Ед. хр. 7. Л. 1 об.* Письма не датированы. Судя по процитированному фрагменту, данное письмо относится к началу юридической практики Фета, т. е. к 1867 г.

²⁰ *Фет А. А. Стихотворения, поэмы. Современники о Фете / Вступит. ст. А. Е. Тархова; сост. и примеч. Г. Д. Аслановой и А. Е. Тархова. М., 1988. С. 408.*

²¹ Данное указание Фета может быть основанием для уточнения времени написания этого очерка — 1867 г. О привыкании народа к новым судебным органам писал А. Кузмин: «Как ни мало прошло времени с тех пор, как начали действовать мировые суды, а сомневающихся в пользе нового суда уже трудно найти. Не только общество, но и те из мировых судей, которые сами не доверяли своим способностям, с удивлением увидели несомненно полезные результаты своей деятельности» (*Кузмин А. Деревенские заметки // Современная летопись. 1867. № 40. 5 ноября. С. 9.*)

многие уже успели ознакомиться с правами, предоставленными им новыми законоположениями. Спрашивается: это ли косность?»²²

В статье «Отголосок сельского судьи» (1874), подводя итоги семи-летнего существования мировых судов, Фет подчеркивал их роль в подъеме уровня правовой грамотности населения. Если в 1861 году большинство крестьян противились юридическому оформлению условий найма на работу, то в начале 1870-х годов работники уже не могли обходиться без составления трудового договора; «в важных случаях рядчик, каменщик или плотник еще прибежит к судье показать: так ли написано условие и можно ли по нем работать».²³

Деятельность Фета-судьи оказалась напрямую связана с литературным творчеством. По роду службы ему приходилось вести подробные записи дел. В *ОР РГБ* хранится 57 папок архивных материалов, состоящих из судебных дел, гражданских и уголовных, разбиравшихся Фетом, а также из дел Мирowego съезда, разбиравшихся по апелляциям обвиняемых, недовольных приговором мирового судьи.²⁴ Описание дел поражает количеством и разнообразием тем.

Вот некоторые примеры: «О взыскании помещиком Алексеем Крюковским 10 р. с крестьянина села Домнино Алексея Воронцова за уход до окончания срока найма», «О невыполнении полевых работ по условию 11 крестьянами 3-го Фроловского общества малоархангельскому мещанину Петру Беляеву», «О взыскании крестьянином 2-го Сорокинского общества Григорием Афанасьевым за оскорбление его действием 15 р. с орловского мещанина Ивана Голованова», «О взыскании крестьянином деревни Нижней Мельницы Никифором Мельниковым 39 руб. с приказчика помещицы Телепневой Ивана Егорова за покос», «По обвинению конторщика имения г-жи Протасовой Тихона Словянского в том, что приехал к мировому судье на сопатовой лошади», «По обвинению содержателя питейного дома в с. Золотарево, еврея Янкеля Иванова, в оскорблении словами бессрочного отпускного рядового Максима Левова» и т. д.

Среди разбиравшихся Фетом дел были: о притеснении подрядчиком, о самовольном добывании камня, о самовольном заборе разного рода продуктов, о нанесении оскорбления, о невыполнении условий относительно поставки конных подвод, об оскорблении священника, о краже лошадей, леса, о срубе яблонь, лип, о разорвании собаками барана и трех свиней, о неотдаче шубы отставному унтер-офицеру, об изнасиловании и снятии платья, о нанесении побоев, о самоубийстве, о взысканиях, о вводе во владение, о потраве гусями, скотом, лошадьми, свиньями и т. д.

²² Фет А. А. Соч. и письма: В 20 т. Т. 4: Очерки: Из-за границы. Из деревни. СПб., 2007. С. 324. Далее ссылки на это издание даются в тексте: *Фет. СЛП*, с указанием номера тома и страницы.

²³ Фет А. Отголосок сельского судьи. С. 392.

²⁴ См.: *ОР РГБ*. Ф. 315. Оп. 1.

Судейская практика была уникальной школой жизни Фета. Помимо знаний и опыта, она давала массу готовых литературных «сюжетов». Показательно, что Фет не спешил обрабатывать их и претворять в художественные произведения. Они были интересны ему сами по себе, как достоверные жизненные факты, как документы эпохи. Поэтому фрагменты «судебных протоколов» стали включаться им в статьи и письма.

Так, последний очерк цикла «Из деревни» (1871) содержит ряд «протокольных» записей, каждая из которых представляет собой небольшой законченный сюжет. В частности: «Еще в 3 часу утра табун мимо наших окон пробежал в поле. Семь часов. Надо бы узнать, в каком положении собственные работы. Но об этом и думать нечего. Вот вот нагрянут. Действительно, по двору раздается конский топот и в окне мелькает белая лошадь, вслед за ней несется гнедая, за гнедой рыжая. Через минуту на каменном крыльце раздаются отрывистые удары, напоминающие пистолетные выстрелы. Так и есть. Выстрелоподобные звуки производит мешковский безногий хохол на деревяшке. На гнедой приехал хрящевский приказчик, воспитанник Горыгорецкого института, а на рыжей молодецватый и рыжий бурмистр мецневской экономии. Дверь приотворяется, но безногий хохол останавливается за порогом. „С жалобой?“ — „Точно так“. — „Войдите в камеру“. — „Не приказано входить. Деревяшка у меня гвоздем подбита, так я полы ковыряю“. — „Ничего, войдите. Нельзя через порог разбирать жалобу. Ну что? Степановские не выходят на работу?“ — „Точно так. Рожь сыпется, другой день езжу, только пять дворов выехало. Деньги забрали еще до Рождества, а теперь никак не вызовешь. Сделайте милость, помогите“. — „Вот вам повестка к сельскому старосте, чтобы сейчас выгонял на работу или явился ко мне с тремя выборными на разбирательство. Отдайте повестку, и если тотчас не пойдут на работу, явитесь сюда. Явятся или не явятся ответчики на суд, тотчас разрешу производить уборку на их счет“. — „Помилуйте! кого ж мы найдем? Теперь и за 6 рублей никто не пойдет“. — „Наймите за 7 рублей“. — „А с кого ж нам просить эти деньги?“ — „С ответчиков“. — „Да что с них взять-то?“ — „Ну, батюшко, об этом будет время думать, а теперь надо вылезать из беды. Может, дело и мирно обойдется. Время горячее. Поскорей везите повестку“. — „Счастливо оставаться. Мигом сомчу“. По двору раздается топот ускакавшего хохла. Хохол прав. С неисправного плательщика-некрестьянина суд возьмет все: землю, строения, рабочий скот и инструменты, словом, что под руку истца попадет. А с крестьянина? Ничего. Продать у него всего сказанного нельзя. Юридически это было бы справедливо, но в действительности оказалось бы полным извращением настоящего порядка вещей, одинаково губительным для всех членов народного хозяйства, начиная с истцов. <...> Вот почему судьи, к помощи которых прибегают в критическую минуту, так боятся этого рода дел, ясных с юридической и безвыходных с практической стороны» (Фет. ССП. Т. 4. С. 355—356).

Четвертая главка, фрагмент из которой приведен выше, не без иронии названа цитатой из Грибоедова «Деревня летом — рай». Ее содержание далеко не «райское». В ней Фет приводит ряд судебных разбирательств. По ходу повествования он все более сокращает описания, создавая «протокольный стиль», усиливая документальную основу очерка: «Судья. Миронычев! Вы не выставили двух подвод? *Миронычев*. Точно. Не выставили. Судья. Здесь сказано, неустойки по 1 рублю с подводы. *Миронычев*. Точно, батюшка. Судья. Не желаете ли расчесться? *Миронычев*. Где ж, батюшка! расчесться? Отработаем.

Луч радости загорается в глазах истца. Судья. Не сойдется ли миром? *Все крестьяне*. Что ж, мы с великим удовольствием. *Истец*. Господин судья, позвольте нам удалиться для совещания. Через ¼ часа стороны заявляют об окончании дела миром» (*Фет. Силл.* Т. 4. С. 368).

Подобные «протокольные» фрагменты дел вошли в некоторые письма Фета к И. С. Тургеневу. Среди прочих было и письмо от 5 марта 1873 года, которое начиналось с рисунка и комментария к нему: «Рисунок добросовестно снят с такого же в протоколе мирового судьи от 4 марта, т. е. со вчерашнего, и изображает явственные следы веревки петель на правом стегне обвинительницы Серegiной в самоуправстве над нею купеческого сына Евсеева при помощи двух его артельщиков — Минаева и неизвестного, скрывшегося. *Сергеева*. Зазвала меня их кухарка Алексеева в кухню пить чай. После 3 чашки вошел Евсеев и ударил меня по щеке, а затем при помощи 2 артельщиков повалил на пол, причем Минаев сел мне на голову и зажал рот, а другой бил по обнаженному телу веревкой, как собаку. Вошел брат Евсеева и словами „что вы делаете“ — разогнал их. Я вырвалась и убежала. *Обвиняемые*. Мы ее не видали и не знаем, но можем представить доказательства и свидетелей, что ее 19 февраля бил муж до того, что мать ее бегала за помощью к сельскому старосте, а она говорит, что мы били 18 февр. *Свидетельница Алексеева* кричит и прославляет свою непорочность: Могу сейчас присягу принять — не звала и не видала Серegiной. Я всем известна. Судья. Оставьте Ваши добродетели и не кричите, иначе штраф, а при неимении денег арест. Вы ничего не видали?»²⁵ и т. д.

Неизвестно, сколько подобных историй слышал Тургенев от Фета, сколько прочитал записанных «поэтической» рукой судебных сценок. С момента вступления в должность мирового судьи в 1867 году поэт «коллекционировал» разбиравшиеся дела, и Тургенев был осведомлен о них.²⁶ Литераторы периодически встречались. Так, летом 1868 года Тургенев добродушно передавал свои впечатления от общения с Фетом Полине Виардо: «...он очень растолстел, облысел, отпустил огромнейшую бороду. Чтобы рассмешить меня, он облачился в судейский мундир — он в нем и правда очень забавен»;²⁷ через два года, летом 1870

²⁵ *Фет А. А. Соч.*: В 2 т. Т. 2. С. 204—205.

²⁶ По мнению А. Е. Тархова, именно служба в качестве мирового судьи обострила идеологические разногласия между этими двумя писателями и окончательно развела их. См.: *Фет А. А. Соч.*: В 2 т. Т. 2. С. 408—409.

²⁷ *ПССиП(2). Письма*. Т. 9. С. 11, 235. Подлинник по-франц.

года, Тургенев рассказывал Полонскому об очередной встрече с Фетом: «Я вчера вернулся от Фета, который живет отсюда в 70 верстах в степной местности, плоской, как блин. Сам он толст, лыс, бородаст — и в белом балахоне с цепью мирового судьи на шее представляет зрелище почтенное».²⁸

Очевидно, с одобрением относясь к судебным рассказам Фета, Тургенев однажды (в письме от 13 (25) января 1869 г.) посоветовал ему: «Вам непременно надо написать свои мемуары и записки, как судьи. <...> И когда я приеду весной в деревню — в Степановку, — Вы должны уже мне прочесть несколько отрывков. Славно будет!».²⁹ Фет откликнулся на пожелание и начал вести «записки судьи». Уже в ноябре 1869 года Тургенев имел возможность отозваться о нескольких прочитанных очерках: «Кстати о Вашей мировой деятельности. Я очень смеялся Вашим двум, трем очеркам — особенно приказчику с переменным баритоном и фальцетом. Вам бы собрать все эти сценки да в книгу — вышло бы прелесть! Но только поменьше умозрений — ибо Вы — философ *sans le savoir* (бессознательный, не осознавая того — *франц.*) и даже нападая на философию!».³⁰

Как известно, Тургенев высоко оценивал деревенские очерки Фета и считал, что его судейские записки, основанные на документальном автобиографическом материале, окажутся не менее содержательными и интересными. «...Пусть он соберет свои судейские воспоминания, — писал Тургенев Борисову 5 (17) декабря 1869 года, — и сделает из них книжку: по двум-трем сообщенным им мне анекдотам я вижу, что это может выйти прелестно и преподачительно, вроде — помните — его хозяйственных писем. Только чтобы философствовал он поменьше! Ибо, хотя он на философию и нападает — а сам до мозгу костей ею проникнут и заражен».³¹

Таким образом, Тургенев подстегнул Фета к созданию книги очеркового типа с условным названием «Записки судьи». Вероятно, после тургеневского совета в январе 1869 года поэт и приступил к осуществлению замысла. Сюжеты для такого рода произведения накапливались по ходу судебной практики. Очерковый материал частично дошел до нас, став основой V главы второго тома «Моих воспоминаний». В более полном объеме он хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки в Москве.

Поддержка и одобрение Тургенева — первоклассного мастера прозы — были толчком для литературного оформления судейских материалов. Что собой представляла эта книга и собрал ли ее Фет, неизвестно. Напечатана она, скорее всего, не была. Но подготовленные для нее очерки Фет периодически посылал Тургеневу на прочтение, вплоть до конца 1874 года, когда их отношения прекратились.³²

²⁸ Там же. Т. 10. С. 206.

²⁹ Там же. Т. 9. С. 133.

³⁰ Там же. Т. 10. С. 93.

³¹ Там же. С. 98.

³² В письме к Фету от 28 ноября (10 декабря) 1874 г. Тургенев писал: «Признаюсь, я не вижу, что может быть общего между мною и *мировым судьей*, который серьезно упрека-

Яркий юмористический талант Фета-рассказчика, который отмечали в нем многие близко знавшие его люди, временами стал проявляться и в литературном творчестве, о чем свидетельствовал и тургеневский отклик. Сюжет о «приказчике с переменным баритоном и фальцетом», так рассмешивший писателя, позднее был включен Фетом в книгу мемуаров. «Из воспоминания моего совершенно было исчезла сценка, когда-то насмешившая моего письмоводителя. Но просматривая письма Тургенева, я нашел в одном из них напоминание об этой сцене, над которой он в свою очередь когда-то смеялся, — так предваряет свой рассказ Фет. — Передо мною лохматый, черномазый и неповоротливый ответчик мужик и небольшого роста рыжеватый и юркий соседний приказчик, в поношенном коричневом сюртуке. Лицо его, слегка испещренное веснушками, обладает довольно своеобразным носом, точно срезанным вдоль и представляющим затем плоскую дорожку ото лба и до широких ноздрей. Дорожка эта, приближаясь к концу, образует как бы ухаб или впадину, постоянно покрытую мелкой росой.

— Помилуйте, г. судья, — говорит приказчик, — я вот их самих не обвиняю; но от их ребят на огороде у нас житья нет. Какой ход им на наш огород, а как ни посмотришь, — они тут как тут. Известно, на огороде колодезь с журавлем. Так как вам доложить! Даже ужас берет: один засядет на ведро, а другой с другого конца на пень, и держась за веревку, сидя на пне верхом, носятся по воздуху, точно нехристь какая! Ну помилуйте, порвись или поломайся журавль, того гляди — полетят в колодезь или убьются до смерти. Кто же должен идти к уголовному ответу? Ведь если бы (сильно разводя руками) они попросили моркови, луку, огурцов или редьки, я бы сказал: „кушайте, кушайте, милые дети!“ А то глянул вчера под лопухи с краю огорода, а там навалено невидимо этого добра и уже завяло. Разве так возможно, г. судья? А вот они самые их отец и есть.

Растерявшийся ответчик:

— Да разве я их этому учил, али рад тому?

— А вы бы (баритоном и подымая правую руку) Божией милостью и родительской властью (фальцетом и быстро крутя рукой) за вихор, за вихор, за вихор.

Я оштрафовал мужика на рубль серебром в пользу приказчика» (МВ. Ч. 2. С. 141).

В оригинальной сюжетной зарисовке анекдотического плана действуют персонажи, отмеченные ярким своеобразием. Наблюдательность Фета и умение рассказывать сценки, свидетелем которых он был, удачно облекаются в сказовую форму повествования. Характерологический язык произведения становится средством создания образа, рождает юмористический эффект. Такие сценки лишены «философии» и «умо-

ет здоровенных мужиков, зачем они не отбили концом дуги печенок у пойманного вора — и даже хвастается этим, словно не понимая безобразия своих слов» (ПССуП(2). Письма. Т. 13. С. 229).

зрений», снижающих, по мнению Тургенева, достоинство прозаических сочинений Фета. Однако вне какого-либо «умозрения» эти сценки обречены на фрагментарность, их трудно объединить в целое произведение, избежав простого «нанизывания». Возможно, когда Тургенев советовал Фету собрать «записки судьи» в книгу, он имел в виду создание мемуарного повествования о судебной практике с вкраплением в него отдельных сценок, сюжетных зарисовок, описаний, «протокольных» вставок.

К сожалению, пока трудно установить, в каком виде очерк о приказчике «с переменным баритоном и фальцетом» существовал в 1869 году, когда его прочел Тургенев. Вполне может статься, в том самом, в каком он представлен в воспоминаниях Фета. Не исключено, что, работая над книгой мемуаров, поэт просто отобрал отдельные сюжеты из уже готовых судебных записок и поместил их в одну главу. «Если бы я имел возможность представить на суд читателя хотя не все, а наиболее интересные судебные случаи в хронологическом порядке моей 10-ти летней практики, — поясняет Фет свою избирательность, предваряя «судейскую» главу, — то не сделал бы этого по следующим причинам: такое продолжительное испещрение воспоминаний судебными разбирательствами, не связанное единством мысли, надоело бы читателю и только мешало бы ему составить себе ясное понятие о моей судебной деятельности. <...> Вставляя здесь свою судебную деятельность отдельным эпизодом, я даю читателю возможность пропустить весь этот эпизод, невзирая на его воспитательное по отношению ко мне значение» (МВ. Ч. 2. С. 125).

Итак, Фет писал воспоминания, имея готовые материалы — «записки судьи», созданные в годы исполнения должности мирового судьи (1867—1877). Часть из них вошла в мемуары писателя и составила содержание V главы второго тома. Судьба другой части неизвестна. Фет не реализовал подсказанного Тургеневым замысла книги «Записки судьи» из-за отсутствия в ней, с его точки зрения, «единства мысли», вследствие чего текст распадался на не связанные друг с другом фрагменты.

Судя по рассказам, вошедшим в состав «Моих воспоминаний», фетовские «записки» были в прямом смысле слова документальны, лишены вымысла, литературной оформленности, каких-либо внешних художественных украшений и имели четкую мемуарную установку. Часть таких историй из судебной практики начинается сразу с изложения сути, без каких-либо вступлений: «Первое уголовное дело поступило по жалобе молодого иностранца А. И. Ост<a> на кражу бревен со двора его доверителя соседним крестьянином, у которого означенные бревна были разысканы на дворе» (МВ. Ч. 2. С. 126); «Помню худощавого, черноволосого и высокого крестьянина соседнего Степановского хутора, просившего рассудить его с сыном, которому общество разрешило брать при разделе с отцом то, что последний считал несправедливым» (Там же. С. 127); «Помню случай, когда племянник крестьянин разыскал у родного дяди свою, украденную последним, лошадь» (Там же);

«Соседний приказчик, отставной унтер-офицер, заявил мне жалобу на воровство из экономического одонка примерно полкопны гречихи» (Там же. С. 133); «Крестьянка принесла жалобу на истязание зятем ее своей жены, а ее дочери» (Там же. С. 140) и пр.

Другая часть судейских очерков начинается с обобщающей мысли автора, за которой следует рассказ, иллюстрирующий ее. Например: «Вера во всемогущество судьи проникала тогда все сословия, и потому являлись самые курьезные прошения. Так, из усадьбы соседки нашей О—вой явился старый кучер с просьбою, чтобы я развел его дочь с ее молодым мужем, наносящим ей истязания» (*МВ.* Ч. 2. С. 129); «Случалось мне расспрашивать мнения выборных; но только в совещательном, а не в решающем смысле. Однажды старшина заявил жалобу на крестьянина, не исполняющего законных требований его, старшины, и сельского старосты» (Там же. С. 130); «По справедливости нельзя не сказать, что курьезы встречались не в одном только низшем сословии, а, хотя сравнительно весьма редко, и между интеллигенцией. Помню дело вдовы помещицы, искавшей с сына дохода с своей седьмой части» (Там же. С. 135) и т. д.

Двадцать две «записки» составляют содержание V главы второй части мемуаров. Они повествуют о том, как судье удавалось примирять тяжущихся. «Привыкший некогда, в должности полкового адъютанта, сразу определять по окладу лица, цвету волос и росту, в какой эскадрон должен поступить вновь прибывший рекрут, я и будучи судьей, до известной степени судил о нравственности обвиняемого по его наружности», — писал Фет (*МВ.* Ч. 2. С. 157).

Среди судейских заметок выделяется развернутое повествование о генеральше Горчан и ее больном сыне — объемом, относительной развитостью сюжетной линии, описательным тоном, обрисовкой образов (*МВ.* Ч. 2. С. 152—160). Оно могло бы стать самостоятельным очерком. «Выпадают» из общего ряда и истории, имеющие анекдотический или «каламбурный» характер (Там же. С. 127, 128—129, 140, 144—145).

В очерках Фета изображены различные случаи и типы людей, однако есть и общее, объединяющее все судейские истории свойство: они представляют собой «картинки с натуры», документальные свидетельства ушедшей эпохи. Фет воспользовался своими судейскими записями и «вмонтировал» их в общую повествовательную канву мемуаров, частично восстановив таким образом свой нереализованный замысел.

С юридической практикой было связано появление ряда публицистических статей Фета в 1870-е годы: «По поводу статьи г. Безобразова „Наши охранители и наши публицисты”» (1871), «Отголосок сельского судьи» (1874), «По вопросу о личном найме» (1876). К анализу законодательных актов правительства и собственной судебной практики писатель неоднократно возвращался и в 80-е годы — в статьях «Наши корни» (1882), «На распутье. Нашим гласным от негласного деревенского жителя» (1884), «По поводу отзывов земств о преобразовании местных учреждений» (1888) и др.